

страницами, посвященными Каратаеву и всей философской конструкціей романа. Бездѣятельность, пассивное подчиненіе высшей волѣ Толстой считает истинной мудростью. Поэтому выжившій изъ ума дряхлый Кутузовъ кажется Толстому воплощеніемъ мудрости, а сильный и энергическій Наполеонъ, въ своихъ усиліяхъ повернуть событія по своему желанію, кажется Толстому жалкимъ актеромъ, кривлякой и пустымъ, ничтожнымъ человѣкомъ.

Это влеченіе къ пассивности, бездѣятельности подмѣтиль въ свое время нашъ критикъ консервативнаго лагеря Головинъ, который видѣлъ въ отсутствіи стойкости и инициативы недостатокъ индивидуальной выдержки въ русскомъ народѣ. Личность была подавлена и угнетена, табунное начало было сильнѣе. У Толстого къ этой первой причинѣ симпатій къ пассивности нужно прибавить и вторую, лично свойственную Толстому: это тотъ грустный взглядъ на жизнь, который объяснялся усталостью и пресыщенностью жизнью цѣлаго ряда аристократическихъ предковъ нашего писателя.

Надо, однако, замѣтить, что философскій фатализмъ Толстого не находится въ полномъ согласіи съ художественными наблюденіями писателя. Какъ это часто бываетъ у Толстого, художественные образы у Толстого живутъ своей самостоятельной жизнью, независимо отъ тенденцій и намѣреній автора. Это замѣтилъ еще Писаревъ, въ свое время, и въ этомъ громадная художественная заслуга Толстого. Когда мы читаемъ „Войну и миръ“ мы можемъ не замѣчать тенденцій автора, и образы будутъ говорить намъ сами за себя. Картины массовой жизни, нарисованныя намъ Толстымъ и говорить намъ не о фатализмѣ и покорности судьбы, а о томъ, что личность играетъ ничтожную роль въ массовыхъ движеніяхъ и что она не можетъ измѣнить или направить событія, вопреки воли этихъ массъ и ихъ естественному движенію по опредѣленному руслу. Въ этомъ смыслѣ Л. Н. Толстой, отчасти, далъ своимъ романомъ полезный матеріалъ и для того направленія, которое Толстой отрицаетъ всей своей психикой — а именно марксизму.

Что касается „народничества“ Толстого, по сколько оно выразилось въ Каратаевѣ, то здѣсь умѣстно сказать уже за одно, что народническія воззрѣнія Толстого не вылились въ опредѣленное мировоззрѣніе и пережили немало измѣненій. Аналитическій умъ Толстого лишенъ всякой способности синтеза и потому противорѣчія у него мирно уживаются другъ съ другомъ. Такъ въ „Казакахъ“ Толстой съ симпатіей выводитъ въ противоположность Каратаеву яраго индивидуалиста Ерошку, который утверждаетъ, что все Богъ сдѣлалъ для человѣка. Ни въ чемъ нѣтъ грѣха. И Пьеръ Безухій отчасти близокъ и къ Ерошкѣ, когда утверждаетъ, что жизнь есть все. жизнь есть Богъ.

Ивановъ-Разумникъ въ своей книгѣ пытается опредѣлить